

Социал-демократия и анархизм

Рудольф Роккер

1899-1900

Различие между социал-демократией и анархизмом заключается не только в различии их тактических методов, но должно в первую очередь опираться на принципиальные положения. Речь идёт о двух различных мнениях о положении человека в обществе, о двух разных представлениях о социализме. Из этих отличий в теоретических предпосылках вытекает сама собой и разница в выборе тактических средств.

Социал-демократия, преимущественно в германских странах и в России, любит называть себя партией «научного социализма» и опирается на марксистское учение, которое служит её программе теоретическим фундаментом. Её представители исходят из точки зрения, что путь общественного развития должен рассматриваться как бесконечный ряд исторических неизбежностей, причины которых следует искать в соответствующих условиях производства. В продолжающихся сражениях разделённых на враждебные лагеря различными экономическими интересами классов эти неизбежности находят практическое выражение. Экономические условия, т.е. способы того, как люди производят и обмениваются своими продуктами, составляют священную основу всех прочих общественных явлений, или говоря вместе с Марксом: «Экономическая структура общества есть реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которой соответствуют определённые общественные формы сознания». Религиозные представления, идеи, моральные представления, правовые понятия, человеческие волеизъявления и т.д. являются всего лишь результатами соответствующих условий производства, т.к. это «способ производства материальной жизни, который вообще обосновывает социальный, политический и духовный жизненный процесс». Это не сознание людей определяет условия, в которых они живут, но наоборот, экономические условия определяют их сознание.

Таким образом, социализм не является изобретением умных голов, но логическим и неизбежным продуктом капиталистического развития. Капитализм должен сначала создать условия производства – разделение труда и централизацию индустрии, при которых может быть создан социализм. Его воплощение не зависит от воли людей, но только от определённой степени развития условий производства. Капитализм – необходимое и неизбежное условие, которое должно привести к социализму;

его революционное значение заключается как раз в том, что он с самого начала несёт в себе зерно своей гибели. Современная буржуазия, носительница капиталистической системы, должна была призвать к жизни современный пролетариат, чтобы обосновать своё владычество, и создала тем самым своего собственного могильщика. Ибо развитие капитализма происходит с необходимостью природного закона совершенно определённым путём, из которого побег невозможен. Это лежит, собственно, в сущности этого развития: поглощать мелкие и средние индустриальные предприятия и возводить на их месте всё более крупные, так что общественные богатства концентрируются во всё более меньшем количестве рук. Рука об руку с этим процессом неотвратно шагает пролетаризация общества, пока, в конце концов, не настанет момент, когда подавляющее большинство неимущих наёмных рабов не встанет перед ничтожно малым меньшинством капиталистических предпринимателей. И поскольку капитализм к тому времени уже давно станет препятствием для производства, то необходимым образом должна настать пора социальных переворотов, в которой может быть осуществлена «экспроприация экспроприаторов».

Чтобы пролетариат был способен перенять землю и средства производства, он должен до того завладеть государственной властью, которая после определённого переходного периода, т.е. после полного упразднения классов, будет постепенно отмирать. Завоевание власти поэтому – есть первейшая задача рабочего класса, и чтобы подготовить решение этой проблемы, необходимо, чтобы рабочие организовались как самостоятельная политическая партия и как таковая вступили в политическую борьбу против буржуазии. По этой причине социал-демократия сделала парламентскую деятельность центром своей пропаганды и подчинила ей всякую другую форму действия. Под воздействием немецкой социал-демократии большинство её родственных партий в других странах приняли тот же характер, более или менее выраженный. За последние пятьдесят лет ей удалось организовать миллионы рабочих в своих рядах, проникнуть во все законодательные институты современного классового государства, в многочисленных случаях даже проникнуть прямо в правительство. Высокоразвитая пресса и пропагандистская литература открыли социал-демократическим идеям всё более широкие слои рабочего мира и среднего сословия. Это дело поддерживается целой армией профессиональных агитаторов и партийных чиновников, которые вербуют и действуют в интересах своей организации. Исключением анархистов и других направлений, которые отвергают парламентскую деятельность, немецкой социал-демократии удавалось на международных социалистических конгрессах систематически уничтожать всякую настоящую оппозицию. Так эта партия развивалась везде, где огромные массы рабочих покорно следовали за ней, подобно государству в государстве, и на протяжении долгих лет она была в состоянии препятствовать подъёму всех прочих социалистических направлений в планомерной и бесцеремонной безоглядности. Лишь ужасная катастрофа в августе 1914 года обнажила настоящий характер социал-демократии, уничтожила её международный престиж и проломила брешь в её организационном здании, которому, казалось, было по плечу любое вражеское нападение.

Анархизм, т.е. то направление в мире идей социализма, которое наиболее враждебно относится к социал-демократии, исходит в своих представлениях об общественных условиях и месте человека в историческом развитии из других предпосылок.

Его приверженцы ни в коем случае не отрицают могучего влияния экономических условий на всеобщий процесс развития общественной жизни, но они отрицают одностороннее и фаталистское утверждение, в котором Маркс выразил свои убеждения. Они прежде всего убеждены, что при исследовании и оценке общественных явлений вполне можно пользоваться научными методами, но что история и социология ни в коем случае не могут рассматриваться как науки. Наука признаёт только определённые факты, которые неопровержимо устанавливаются через опыт или через эксперименты. В этом смысле можно лишь так называемые «точные науки», такие как физика, химия и т.п., называть таковыми. Знаменитый закон гравитации Исаака Ньютона, лежащий в основе всех вычислений нашей астрономии, является научным, природным законом, т.к. он постоянно доказывал свою верность и никогда не допускал «исключений из правила».

Развитие общественных явлений в истории происходит однако не из такой же принуждающей необходимости, как законы физики. Так что мы вполне можем строить предположения о будущих условиях жизни, но нет такой науки, которая могла бы наперёд просчитать и научно подтвердить социальные условия, как можно подсчитать и установить время оборота планеты. История человеческих обществ более сложна и неизвестна нам в во своих элементарных частностях, чтоб мы могли говорить о железном законе, на основе которого мы могли бы хотя бы с некоторой уверенностью оценивать движущие силы исторического становления в прошедшие периоды, и ещё менее могли бы исследовать общественные формации будущего. По этой причине социализм не является наукой, не может являться наукой, и вся болтовня о научном социализме – лишь тщеславное самовозвеличивание и грубое непризнание истинных принципов науки.

Придерживающийся анархистского мировоззрения не разделяет веры, что развитие экономических условий обязательно должно привести к социализму, что капиталистическая система носит социализм в себе, так сказать, уже в зародыше, и нужно лишь выждать время созревания, чтобы тот мог разорвать оболочку. Он (анархист) видит в этой вере ни что иное как перенос религиозного фатализма на экономическую почву, который действует столь же опасно, притупляет инстинкт действия и импульсивное восприятие человека, и вместо живого, постоянно борющегося за новые перспективы познания, всегда порождает мёртвый догматизм. Анархист ни в коем случае не видит в современном разделении труда и централизации промышленности условия капиталистической системы эксплуатации, которые находятся в острейшем противоречии с социализмом. Экономическое развитие вполне может привести нас к новым фазам общественного бытия, но точно так же оно может принести нам крушение всяческой культуры. Страшная катастрофа мировой войны говорит красноречивым языком для всех, у кого есть уши, чтобы слышать. Если европейским народам не удастся выбраться из настоящего хаоса к новым формам общественной культуры, то никакой пророк не будет в состоянии предсказать, до каких низин может загнать нас рок.

Нет, социализм не настанет, потому что он должен настать с неотвратимостью закона природы; он придет к нам только тогда, когда люди найдут твёрдую волю и необходимую силу, чтобы воплотить его в реальности. Не время, не экономические условия, лишь наше исключительное познание, наша воля, могут построить

мост, который поведёт нас из мира наёмного рабства в новые земли социализма. То, что развитие капиталистических форм общества как раз психологически подготавливает пролетария к идеям социализма, тоже является условием, с которым анархист не согласен. Англия, родина современного капитализма и современной крупной индустрии, тем не менее не породила достойного упоминания рабочего движения, в то время как страны с почти исключительным сельским хозяйством, такие как Андалузия и южная Италия уже много лет имеют сильные социалистические организации. Русский крестьянин, хозяйствующий всё ещё при совершенно примитивных условиях производства, ближе социалистическим идеям, т.к. между ним и его соседями существует более тесный союз, чем у нас. Общественное владение землёй и почвой, при котором сотни лет живёт русский крестьянин, приучило его к постоянному проявлению взаимопомощи и естественной солидарности в отношении своих товарищей, так что у него социальный инстинкт развился до такого уровня, какого мы напрасно будем искать в индустриальном пролетариате средне- и западноевропейских стран. Но тем не менее теоретики русской социал-демократии объявили от имени науки, что устаревшие коммунальные учреждения российского крестьянства обречены на крушение, ибо не находятся в созвучии с современным развитием и, следовательно, являются препятствием для социализма.

Для приверженцев анархизма формы государства и законодательства являются не просто политической надстройкой экономической структуры общества; идеи, правовые понятия и прочие формы сознания – не просто продукты соответствующего процесса производства, но определённые факторы человеческого духа, которые хотя и подвергаются влиянию экономических факторов в своём развитии, но в то же время воздействуют обратно на экономические условия в обществе. Таким образом возникает бесконечная серия взаимодействий, так что зачастую совершенно невозможно установить один конкретный главный фактор. Можно рассматривать все эти явления как материальные и разделять точку зрения Прудона, что всякий идеал сравним со цветком, корни которого можно найти в материальных условиях жизни. Но в таком случае все экономические условия являются только частью общих материальных условий; они не образуют железную основу, которая определяет процесс развития всех других общественных проявлений жизни вообще, но они, более того, подчинены тем же самым непрерывным взаимодействиям, как и все другие факторы материальной жизни. Так, например, государство, без сомнения, есть в первую очередь продукт частной монополии на почву и землю, институт, который возник с разделением общества на классы с различными интересами. Но однажды ожив, он действует со всей силой на поддержание монополии и классовых противоречий, на увековечивание экономического рабства, и в ходе своего развития вознёсся до самой огромной эксплуататорской машины человечества. Такие взаимодействия можно установить в любом количестве и во всех мыслимых формах проявления, они как раз характерны для исторического процесса становления человечества, и так бросаются в глаза, что наши неомарксисты вынуждены постоянно делать новые уступки критике их понимания истории.

Если завоевание политической власти кажется социал-демократии важнейшей задачей, которая должна предшествовать воплощению социализма, то для анархизма – упразднение всякой политической власти имеет огромное значение. Государство не

есть произвольное строение, но учреждение, которое было вызвано к жизни в определённый период человеческой истории, как следствие монополии и общественного разделения на классы. Не для того, чтобы защищать права большинства, возникло государство, но исключительно как защитник материальных интересов мелких привилегированных групп за счёт широких масс. Государство есть ни что иное как политический агент имущих классов, организованное насилие, удерживающее вместе систему экономической эксплуатации и политической классовой власти. Его формы изменялись в ходе истории, но его настоящая сущность, его историческая миссия остались теми же. Для широких масс народа государство было во все времена и во всех формах своего существования лишь бессердечным инструментом подавления; по этой причине является невозможным, что оно могло бы когда-либо служить тем же массам инструментом их освобождения. Социал-демократия, в своих многочисленных разновидностях всё ещё абсолютно пронизанная идеями якобинства, верит в неизбежность государства, т.к. может себе представить воплощение социализма только с верху вниз, при помощи правительственных декретов и государственных постановлений. Анархизм, стремящийся к разрушению государства, видит лишь один путь введения социализма, а именно снизу вверх через творческое действие самого народа и при помощи его собственной экономической организации.

Тут встаёт вопрос, позволяющий распознать фундаментальное отличие между двумя направлениями во всей остроте – вопрос о месте человека в обществе. Для теоретиков социал-демократии отдельный человек есть лишь незначительная частичка в общем механизме общественного производства, «рабочая сила», бездушный инструмент экономического развития, которое беспрекословно определяет его духовную жизнь и проявления его воли. Это представление является необходимым результатом всего этого учения. Когда отдельное человеческое существо вообще ставится под вопрос, оно всегда рассматривает его как средний общественный продукт, который должен измеряться масштабом общих понятий. Социал-демократы создали себе определённое представление о живой реальности и являются в некотором смысле жертвами оптического обмана, принимая мираж, который околдовывает их воображение, за саму реальность. Они видят в историческом развитии лишь мертвые шестерни, внешний механизм, и по сему слишком легко забывают, что за силами и условиями производства стоят живые существа, люди из крови и плоти с личными желаниями, склонностями и представлениями, и т.к. индивидуальное различие, которое и составляет настоящее богатство жизни, кажется им безынтересным придатком, то и жизнь сама кажется им бесцветной и схематичной.

Анархизм и здесь следует другими путями. Исходная точка его представлений о сущности общества – это отдельный индивид. Не индивид как абстрактное, призрачное понятие, отделённое от его общественного окружения, но как социальное существо, связанное со своими соседями тысячами материальных, духовных и душевных связей. Чтобы судить об общественном богатстве, свободе, культуре народа, анархист придерживается не общего квантума продуктов производства или формальной «свободы», которая заложена в какой-либо конституции, и не высоту культуры какого-либо определённого периода. Он пытается установить, насколько велика личная часть богатства, которая достаётся каждому отдельному члену общества; насколько индивид способен удовлетворить свои личные склонности, желания и

потребность в свободе в рамках общности; и в каком размере общая культура находит выражение в каждом отдельном существе. Из этих результатов он выводит своё суждение о характере общества в целом. Для анархиста личная свобода не является неопределённым абстрактным представлением, она представляется ему, более того, как практическая возможность для каждого отдельного человека, полностью развить данные ему природой силы, таланты и способности. И т.к. он признает за личным чувством высочайшее выражение человеческого инстинкта свободы, он принципиально отрицает всякий авторитарный принцип, идеологию brutального насилия. Полная свобода на почве экономического и социального равенства, представляется ему единственной возможностью достойного будущего. Только при таком состоянии, по его мнению, есть возможность развить в каждом человеке чувство личной ответственности до высочайшего расцвета и развить живое сознание солидарности до того уровня, что его индивидуальные чувства и потребности, так сказать, раскроются как результаты его социального ощущения.

Для характера социальных движений их форма играет решающее значение, т.к. она отвечает их самой сущности наилучшим образом; таким образом это естественно, что и в этой связи есть непреодолимое противоречие между социал-демократией и анархизмом. Приверженцы социал-демократии, не важно, выдают ли они себя за «социалистов большинства», независимых «коммунистов», по их внутреннему убеждению являются якобинцами, представителями принципа централизации. Социал-демократия по сути своей централистская, так же как и федерализм, в лучшем значении этого слова, наилучшим способом соответствует сущности анархизма. Федерализм был испокон веков естественной формой организации всех истинно общественных течений и учреждений, которые базировались на интересах общности, как это было у, на пример, свободных объединений племён древности, федерации торговых товариществ в раннее средневековье, организаций гильдий ремесленников и художников в вольных городах и у федеративных союзов свободных коммун, которые подарили Европе такую прекрасную культуру. Эти формы организации были в настоящем смысле этого слова общественными. В них находили своё гармоничное выражение свободное действие отдельных индивидов и общественные интересы всех. Это были человеческие группы, как они спонтанно возникли из необходимости жизни. Каждая отдельная группа была хозяином в своих собственных вопросах и в то же время федералистски связана с другими организациями для защиты и поддержки общественных интересов. Интерес общности был главным центром их устремлений, организация снизу вверх – полнейшим выражением их действий.

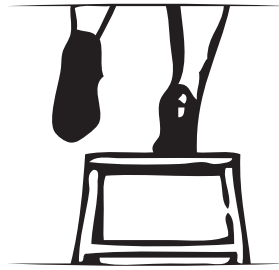
Лишь с возникновением современного государства начинается эра централизма. Церковь и государство были его первыми достойными представителями. В этот раз не интересы общества нашли выражение в новом виде организации, а интересы привилегированных меньшинств, которые основывали свою власть на эксплуатации и порабощении широких масс населения. Федерализм, естественная организация снизу вверх, была замещена централизмом, искусственной организацией сверху вниз. Свобода должна была отступить перед деспотизмом, старое привычное право (*Gewohnheitsrecht*) перед законом, разнообразие перед униформой и шаблоном, воспитание и развитие характера перед духовной дрессурой, личная ответственность

перед слепой верой, свободный гражданин перед подданным – для враждебного свободе характера социал-демократии типично, что она одолжила свою организацию в оружейной камере государства. Дисциплина была и есть самым важным выборным лозунгом её методов воспитания, и теми же средствами, которыми государство воспитывает лояльных подданных и хороших солдат, она воспитывает твёрдых в дисциплине партийных товарищей: она собрала миллионы приверженцев под своими знамёнами, но она задушила творческую инициативу и способность к самостоятельному действию масс. Она создала тоскливое чиновничество, новую иерархию, этакий род политического рока, перед которым свободная инициатива и самостоятельное мышление должны сворачивать паруса.

Только так можно объяснить то, что социал-демократия в своей практической деятельности абсолютно теряется в поверхностной атмосфере буржуазного парламентаризма, так что ничтожная и ничтожнейшая ежедневная политика смогла стать духовным окружением всей её пропаганды. Она организовала своих избирателей, как государство свои армии, и как он возвела духовную импотенцию в принцип. На пути к политической власти она загнала в могилу всё, что в ней изначально было социалистическим, так что ничего не осталось, кроме замаскированного государственного капитализма, который она вынесла на рынок под фальшивой маркой. Буржуазия ещё не нашла своего «собственного могильщика», но это воистину не вина социал-демократии, что она ещё раньше не сделалась могильщиком социализма.

Анархизм как непримиримый враг государства принципиально отрицает всякую работу в законодательных учреждениях, всякую форму парламентской деятельности. Его приверженцы знают, что даже самое свободное выборное право не в состоянии хотя бы смягчить зияющие противоречия современного общества, и что парламентский режим имеет своей целью просто придать вид легального права системе лжи и социальной несправедливости, дать рабам возможность самим поставить на своё рабство штампель закона. Тактический метод анархизма – прямое действие против защитников монополии и государства. Его приверженцы пытаются устным и печатным словом просветить массы и поднять их до осознания из социального положения. Они принимают участие в прямой экономической и политической борьбе угнетённых против системы наёмного рабства и тирании государства, и пытаются придать всем боям более глубокое социальное значение через своё участие, развить инициативу масс и усилить их чувство ответственности. Анархисты являются собственно передовым отрядом социальной революции, который объявляет войну власти и эксплуатации человека человеком в любой форме, и который написал на своём флаге экономическое и политическое освобождение людей. Они – знаменосцы свободного социализма, герольды новой социальной культуры будущего.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Социал-демократия и анархизм
1899-1900

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://www.aitrus.info/node/1091>
(Sozialdemokratie und Anarchismus; эта брошюра представляет собой сокращённую и переработанную выдержку из более длинного сочинения, вышедшего в лондонской газете Arbeiterfreund в 1899-1900 гг.) Перевод с немецкого: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org